

Серийный собиратель

ВАЛЕНТИН ДЬЯКОНОВ

Имя адвоката Александра Добровинского на слуху у тех, кто следит за новостями. В данный момент Добровинский — председатель совета директоров фирмы «Арбат-Престиж» и защитник ее владельца (ныне заключенного) Владимира Некрасова. «*Ко мне приходят клиенты, которым нужны конфиденциальность и способность взяться за опасное и неоднозначное дело, — говорит Добровинский. — От дела «Арбат-Престижа» мои коллеги бежали как от огня, а я решил, что буду защищать Некрасова.*» Юриста и клиента связывает не только давняя дружба, но и общая страсть — коллекционирование. Правда, как и в своей практике, в своем собирательстве Добровинский исключительно оригинален. Он начинает с того, что никому не нужно и неинтересно. По прошествии некоторого времени оказывается, что коллекции Добровинского стоят больших денег и главное — вызывают всеобщий интерес. Так было и с советским фарфором, собрание которого у Добровинского одно из лучших в стране. Так, возможно, будет и с новейшим увлечением коллекционера — палехскими шкатулками советского времени.

Как и многие из тех, кто участвовал в сложных процессах передела собственности в 1990-е годы, Добровинский — персонаж сайта compromat.ru. Ресурс посвящен, как нетрудно догадаться из его названия, публикациям о непривлекательных сторонах деятельности известных людей. Размещение на compromat.ru платное: владелец сайта получает за публикации некоторую сумму. На сайте опубликовано несколько статей, в которых Добровинский предстает перед читателем влиятельным адвокатом мафии, развратником. «*Я знаю об этих статьях, — смеется Добровинский, — думаю, автор мне льстит. Получается, что я все-таки силен: захочу — отниму у государства завод, захочу — верну. Впрочем, я смог и это использовать себе на пользу: когда меня спрашивают: «Сможете ли вы...?», я говорю: читайте compromat.ru!*» Добровинский связывает появление статей с одним из своих дел конца 1990-х годов. По его словам, публикации — дело рук представителей нефтяной компании ЮКОС, пытавшихся давить на адвоката, защищавшего одного из клиентов компании.

ФОТО ИЗ АРХИВА АЛЕКСАНДРА ДОБРОВИНСКОГО

1

Москва — Париж — Нью-Йорк

Биография Добровинского, рассказанная им самим, не менее увлекательна, чем заливчатские обличения на сайте. Он родился 25 сентября 1954 года в Москве, в семье советской элиты. Отец Добровинского занимал пост замминистра тяжелой индустрии в советском правительстве. Он погиб в бытовой аварии, когда мать Добровинского была на втором месяце беременности. Подруги советовали ей сделать аборт и не создавать себе проблем в отсутствие кормильца. Своим появлением на свет Добровинский обязан бабушке и бабушке по материнской линии, которые настояли на том, чтобы сохранить ребенка.

Дед Добровинского, Р. Б. Кусиков, разбирался в живописи и привил внуку любовь к искусству 1920–1950-х годов. Над рабочим столом адвоката висит портрет деда кисти обитателя парижского «Улья» Пинхуса Кременя, выходца из Белоруссии. Обстановка дедовской квартиры выработала у Добровинского убеждение в том, что искусство, созданное русскими художниками в советский период, нельзя отделить от искусства русского зарубежья. Для коллекционера это единый художественный процесс, и недаром в его квартире на одной стене мирно соседствуют графика Пименова и живопись Фалька парижского периода.

По результатам семейного совета Добровинский был отдан в спецшколу с биологическим уклоном, поскольку соответствующая профессия считалась в доме престижной. Биологию Добровинский возненавидел на всю жизнь. Из спецшколы была прямая дорога на биофак МГУ. Но, встретив в метро знакомого, ехавшего сдавать документы во ВГИК, Добровинский решил самостоятельно решить проблему высшего образования и отнес документы туда же, на экономический факультет. Сдал экзамены и оказался в богемной атмосфере ВГИКа 1970-х. В семье его решение приняли тяжело, но со временем смирились.

Мать Добровинского к тому моменту эмигрировала во Францию к своему дяде Александру Кусикову. Кусиков — легендарная фигура, поэт, участник «Ордена имажинистов» (вместе с Есениным, Мариенгофом и Шершеневичем). Нынешний читатель может вспомнить знаменитую эпиграмму Маяковского: «К чему спорить из-за вкусов и вкусов, // Пусть одному нравлюсь я, а другому Кусиков» и романсы — «Бубенцы» и «Дорогой длиною». Кусиков уехал во Францию в середине 1920-х годов, но сохранял неплохие отношения с советской властью и бравировал тем, что в эмиграции его называют «большевиком».

2

Сам Добровинский не сразу захотел эмигрировать. *«Но однажды в почтовом ящике я обнаружил два письма. Одно грубое, воиное — из военкомата. Другое — от мамы — было пропитано нежными духами. Она звала меня в Париж, и выбор между армией и заграницей был сделан».* Легкость выезда за границу из СССР Добровинский объясняет особым отношением к близкородственным связям — к родной матери в те времена уехать было легко. В Париже Добровинский поселился у дяди и задумался о своей дальнейшей судьбе. Связывать ее с кинематографом он не собирался. *«Вы должны представлять себе Францию 1970-х. О деньгах говорить было не принято. В хороших семьях существовала давняя традиция, идущая со Средних веков: первый сын должен стать военным или пойти на государственную службу. Вторым сыном выбирает себе уважаемую профессию вроде адвоката или врача. Ну а третий сын может заниматься низменными профессиями — торговать, например. Военная служба меня не привлекала, пришлось становиться юристом».*

В своих собраниях Добровинский всегда идет от интересного и необычного предмета. Поэтому первой коллекцией стали трубки для курения опиума. *«Я никогда не любил*

1. Сергей Есенин (слева), двоюродный дедушка Александра Добровинского Александр Кусиков (справа), Вадим Шершеневич (сидит). 1923 (?), Москва. Фото из архива Александра Добровинского. Публикуется впервые

2. Александр Добровинский на выпускном вечере. 1980-е, Нью-Йорк. Фото из архива Александра Добровинского

→

3
4

3. Александр Добровинский и бард Александр Розенбаум. 2000-е. Фото из архива Александра Добровинского

4. Иосиф Бахштейн и Александр Добровинский. 2000-е. Фото из архива Александра Добровинского

больших и аккуратных антикварных магазинов, и в Париже ходил по маленьким лавкам. Как-то раз в 1978 году я зашел в такую лавку и увидел странный предмет. Владелец магазина сказал мне, что это опиумная трубка. Оказывается, французские и английские офицеры, служившие в Индокитае, заказывали себе такие вещицы. Местные курили по-простому, а офицеры любили изящество. Предмет оказался увлекательным. В какой-то момент они перестали мне попадаться с той же частотой, что и раньше, и коллекция мне наскучила. Два года спустя, увидев фильм Серджио Леоне «Однажды в Америке», впервые наблюдал «в реале», как используется эта трубка — фильм начинается и кончается сценой в опиумном притоне. Сразу после

этого мода на коллекционирование опиумных трубок началась повсеместно по всей Европе. И тогда один из антикварщиков, который мне их продавал, сказал: «Не хочешь мне продать всю коллекцию?» За трубками последовали воинские нагрудные полковые знаки, сделанные из серебра и золота. Это собрание Добровинский годы спустя продал уже на Sotheby's за \$4 млн. Так сложился бюджет для новых коллекций.

Приход к власти Франсуа Миттерана заставил Добровинского волноваться: социалист в качестве президента, левые в парламенте... Коллекционер решил переехать в «более капиталистическую обстановку» и отправился в США. Там он работал в качестве ассистента — «подмастерья», по словам Добровинского, — в юридической фирме, а в выходные крутил баранку такси, как и многие эмигранты. Потом были снова Париж, Люксембург, Женева, но уже в качестве известного юриста.

Корпоративный юрист

С падением коммунистического режима Добровинский решил вернуться в Россию. Он экстерном получает диплом юриста благодаря перезачетам из вгиковского диплома экономиста и открывает свое первое бюро в квартире старого друга, хоккеиста Вячеслава Фетисова, решив избрать сферой деятельности корпоративное право. В течение трех лет — с 1992 по 1995 год — у него нет ни одного клиента, и Добровинский подумывает о возвращении в Европу. Но в сентябре 1995-го в его офисе раздается звонок. Мужчина, представившийся Михаилом Ч., спрашивает у Добровинского: «Вы ведь жили на Западе? Знаете, что такое толлинг? (Вид договора между поставщиком и обработчиком сырья. — «Артхроника».) «Я ответил, что знаю, и пригласил его к себе. Но он отказался и предложил мне прочесть лекцию о толлинге в Красноярске. Мой гонорар за два дня составил 50 тысяч долларов. Это было началом того, что есть сейчас». Помимо работы с легендарными братьями Ч., Добровинский известен как специалист по корпоративным столкновениям и конфликтам, возникающим у богатых людей в супружеской сфере. «Если хоть какая-то информация выскользнула бы из моего кабинета, я давно лежал бы на старом еврейском кладбище, и ни единой травинки не пробилось бы из-под восьмиметрового слоя бетона», — иронически говорит Добровинский о тонкостях своей профессии.

Более спокойные нулевые он считает временем повышения юридической грамотности, а разразившийся прошлой осенью кризис —

положительным явлением. «У нас был первый кризис в ценообразовании недвижимости. Это большой шаг к цивилизации. Нам нужно еще лет десять, чтобы приблизиться к Западной Европе. Почти двадцать лет в новой России мы продолжаем жить отголосками советского режима. Феноменальная мания делания денег любым способом — тоже такой отголосок, слишком долго держалось табу на бизнес. Я уверен, что все заказные убийства в постсоветской России связаны с деньгами. По идеологическим причинам никого не заказывали».

Агитфарфор, агитлак, агиткость...

Знаменитая коллекция фарфора начала складываться у Добровинского уже в Москве. На данный момент она насчитывает около 4 тыс. экземпляров (для сравнения: в музее Ломоносовского — бывшего Императорского — завода в Санкт-Петербурге 30 тыс. единиц хранения, считая образцы из дореволюционного фарфора). Начало собрания можно считать случайным: «Я как-то шел в гости к знакомым иностранцам и купил в антикварном салоне фигурку пионера. Или пионерки? Трудно сказать, в СССР же секса не было. В девяностые

годы считалось, что все советское — это страшное уродство и мещанство. Люди выкидывали такие вещи на помойку. Я принес фарфоровое существо домой, поставил на стол... и не смог с ним расстаться. В результате подарил бутылку коньяка, которая стоила в несколько раз дороже». Так началась многолетняя привязанность к фарфору.

«Эта коллекция выгнала меня из двух квартир, — рассказывает Добровинский. — Я был так привязан к ней, что, когда ее забрали на выставку в Музей личных коллекций в 1998 году, я не мог находиться дома. Приезжал на выставку и сидел перед витринами». С коллекцией связано множество забавных историй. «Как-то раз мне звонит человек в два часа ночи и просит помощи — какие-то пацаны серьезные попали в беду. Приезжают двое, я встречаю их в халате, выслушиваю и рассказываю, что нужно делать. Они собираются уходить, и тут один останавливается перед витринами с фарфором и говорит: «Послушай, Петя! Евреи все-таки умные люди!» Я внутри весь расцветаю, горжусь: вот, человеку помог, он оценил мои способности. А он продолжает: «Если захочешь спиздить всю эту хуйню, три месяца будешь упаковывать!»

5

5. Образец коллекции «агитлака» из собрания Александра Добровинского в его кабинете в адвокатском бюро Добровинский и партнеры

6

Примерно такие же чувства поначалу испытываешь, впервые оказавшись в квартире Добровинского в Большом Афанасьевском переулке. Гостей встречает длинный коридор с витринами, продолжающимися и в кабинете, и в гостиной, и даже в ванной комнате (там уместно выставлена коллекция ню).

Неспециалисту может показаться, что коллекция собрана, что называется, до дна. Но Добровинский до сих пор помнит вещи, которые купить не удалось. «Я два раза упустил статуэтку, изображающую Вацлава Нижинского. Первый раз я не купил ее в Москве, на аукционе «Альфа-Арт». Цена дошла до 3 тысяч долларов, и я решил — нет, не буду брать. Ведь такие вещи еще недавно стоили по сотне. Второй раз я увидел ее в предпродажном каталоге Sotheby's, позвонил и сказал — буду участвовать в торгах. Торги начались с 10 тысяч фунтов, я дошел до ста, вышел на двухстах, зашел снова на триста, снова вышел на 450 тысяч, а купили ее за 650 тысяч плюс VAT и комиссионные».

Фарфор, сделанный русскими авангардистами, Добровинского не очень интересует. Он объясняет это тем, что на авангардные вещи спрос был всегда. Зато в коллекции Добровинского есть фарфоровые шашки 1918 года, начала войны с Антантой. Белые фигуры — руки, загибающие золотые монеты, и голова в цилиндре, а красные — фи- ги.

6. Петр Авен и Александр Добровинский. 1990-е. Фото из архива Александра Добровинского

— —
«Нам нужно еще лет десять, чтобы приблизиться к Западной Европе. Почти двадцать лет в новой России мы продолжаем жить отголосками советского режима»
 — —

Добровинский утверждает, что это первый образец агитационного фарфора (автор неизвестен). В его коллекции много фигурок и посуды знаменитых мастеров 1920–1930-х годов: прекрасно представлена Наталья Данько (особенно хороши пробки в виде головок, изображающих типы эпохи НЭПа, и чернильница «Обсуждение проекта новой конституции в колхозе Узбекистана» сталинской эпохи), есть тарелка Натана Альтмана «Земля трудящимся», знаменитая режущим глаз сочетанием зеленого фона и красного изображения.

Кроме того, Добровинский следит за фарфором так называемого «второго авангарда». В его коллекции есть статуэтки Бориса Орлова, тарелки Вячеслава Калинина, Владимира Янкилевского, Владимира Немухина и Виктора Пивоварова (на одной из пивоваровских тарелок красуется надпись «Говно концептуализма вкуснее!») — и соответствующий рисунок). Добровинскому важно место вещи в истории и в ряду других вещей. Он с удовольствием показывает редчайшее изображение Сталина с лицом жутковатого серо-красного цвета и объясняет, что это — единственный случай раскрашенного изображения Отца народов. Как правило, Сталина и других высокопоставленных персон делали в белом, как античные скульптуры. У Добровинского есть, кстати, и «ленин-

7

Коллекцию «агитлака» Добровинский издал как роскошный альбом. Иллюстраций в нем более тысячи, и себестоимость альбома, печатающегося в Италии, тянет на 250 евро. Добровинский не собирается продавать издание. «50 экземпляров я сделаю подписными и подарю друзьям-коллекционерам. Остальное передам в фонд детей, больных полиомиелитом. Средства с каждой покупки будут помещены в этот фонд». Коллекционеру уже предлагали сделать выставку «агитлака». Правда, инициатива исходит из-за рубежа. По словам Добровинского, собранием заинтересовались в библиотеке Белого дома в Вашингтоне.

Год назад кроме «агитфарфора» и «агитлака» в собрании Добровинского начала появляться... «агиткость». Нетрудно догадаться, —>

7. Вдова журналиста Артема Боровика Вероника Хильчевская и Александр Добровинский. 2000-е. Фото из архива Александра Добровинского

ский», и «сталинский» сервизы (называются они так потому, что фигурируют на фотографиях вождей СССР).

Сам коллекционер с наибольшей любовью относится к продукции 1950–1960-х годов. В эти годы в советском фарфоре преобладали «жанровые», часто многофигурные композиции. Он показывает наборы статуэток, которые порадовали бы любого историка культуры. Здесь есть и «стиляги», и «скульптор-абстракционист» — персонаж часто поминаемого после скандала в Манеже 1962 года рассказа Аркадия Аверченко «Изумительный случай». Добровинский ценит «подносные» вещи, преподнесенные известным людям в единственном экземпляре. Шедевром его коллекции, безусловно, является статуэтка «Эльдар Рязанов и Эдуард Брагинский пишут сценарий «Иронии судьбы». Таких статуэток было две, и одна из них досталась Добровинскому благодаря дружбе с Брагинским.

Собрание фарфора давно находится в обращении, выставляется в музеях, печатается в каталогах. «Но коллекционеру более всего дороги самые свежие увлечения», — говорит Добровинский. Четыре года назад коллекционер открыл для себя советский Палех. «Интереснейшая история! Когда-то в деревне Палех писали шкатулки и иконы. После революции местные ремесленники перестроились и начали писать в том же стиле, но на новые сюжеты. Первая известная вещь относится к 1924 году. Я начал собирать коллекцию четыре года назад, и эти вещи не были интересны никому». Теперь в собрании Добровинского 1500 образцов прикладного искусства, которое он предлагает называть «агитлаком», по аналогии с «агитфарфором». Часть «агитлака» представляет собой шкатулки с копиями известных картин соцреализма на крышках. Более интересные образцы сочетают иконографию поздней иконописи и аллегорические сюжеты на тему советской идеологической мифологии. Сильное впечатление производит шкатулка с изображением витязя на коне, направляющего копье в сторону изображения сталинской Москвы. Главным зданием столицы на момент создания шкатулки считался непостроенный Дворец Советов. Палехские умельцы сделали его ярко-красным, как серафимов на иконе. Витязь — фашистская Германия — располагается на холме, у подножия которого мы видим один из важнейших символов христианской иконографии — три черепа на черном фоне, то есть Голгофу. Подобное смешение двух символических систем характерно и для других вещей.

что это вещи на идеологические сюжеты, сделанные из мамонтовой кости. По гамбургскому счету, немногие из них отличаются изяществом. Хотя коллекционер уверяет, что автор этих строк — болван и ничего в кости не понимает. Но с точки зрения истории, некоторые работы просто бесценны. У Добровинского есть, например, странный портсигар, на крышке которого изображен советский вохровец (сотрудник вооруженной охраны) с собакой, а на задней стенке — слон. «Я долго пытался понять, причем тут слон. Да еще в северном пейзаже — вокруг снега. И только потом догадался, что животное — это аллегория Соловецкого лагеря особого назначения, сокращенно — СЛОН».

8. Работа Алексея Беляева-Гинтовта Черная звезда (2005) в кабинете одного из отделов адвокатского бюро Добровинский и партнеры

ФОТО: АРТХРОНИКА/МИНАТ ДАНИЛЫЧЕВ, 2009

8

Музейщик будущего

«У настоящего коллекционера есть три качества. Первое — инстинкт охотника. Это мужская черта. Поэтому даже женщины-собираательницы обладают какими-то мужскими свойствами. Второе — желание узнать о своем предмете все и досконально. И наконец, третье — тщеславие. Каждый коллекционер хочет сделать открытие в своей области». Таково кредо Добровинского, его, если можно так выразиться, драйв. Желание досконально разобраться в оригинальном предмете коллекционирования сделало собрание Добровинского своеобразным музеем будущего. Аналогом коллекций предметов с приставкой «агит-» можно считать разве что музей Уэнди в Сан-Франциско, США, посвященный быту Восточной Германии во времена «холодной войны».

В охоте за новыми вещами и поводами для собирательства Добровинский ненасытен. Опиумные трубки, медальоны, фарфор, Палех, кость, табачные этикетки, спички, бронза (тоже 1920–1950-х) — это лишь краткий список того, что собирал и собирает Добровинский. В ванной комнате его квартиры помимо фарфоровых «нюшек» — как их называет коллекционер — развешана коллекция итальянских ex voto из серебра: изображения больных частей тела, приносящихся в дар определенному свя-

тому (XIX век). Кабинет коллекционера в его адвокатском бюро устлан советскими коврами, большинство из которых, конечно же, тоже «подносные». У двери в кабинет расположенный мебельный гарнитур, преподнесенный Ворошилову коллективом Народного комиссариата обороны: внушительный диван, стулья, подставки под лампы и стол — «с потайным отделением для нагана!». В рифму к гарнитуру идет пара стульев из Генерального штаба, доставшихся Добровинскому по случаю. Наконец, над ресепшн висит декоративное панно малоизвестного русского эмигранта Г. Пожидаева, написанное для парижского кафе в 1920-е годы. На картине изображены музыканты и публика в духе умеренного футуризма. Добровинский показывает на левый верхний угол

ФОТО: АРТХРОНИКА/МИНАТ ДАНИЛЫЧЕВ, 2009

полотна: «Я вывез эту вещь из Парижа, потому что вон то лицо в очках напоминает мне Вуди Аллена».

Энтузиазм Добровинского заразил и членов его семьи. С подачи коллекционера его супруга Марина, врач по профессии, увлеклась советским стеклом. «Как-то раз я купил редкую вещь — стеклянный бокал работы Сергея Чехонина, подарил его жене и сказал: «Собирай!»

И наконец, Добровинский собирает еще и современное искусство. Для коллекционера важно, чтобы оно соответствовало его главным интересам, то есть 1920–1950-м годам. Поэтому рядом с неоконченным холстом Дейнеки и небольшим Налбандяном висит стилизация под графику 1960-х кисти Владимира Грига. По сюжету вещь напоминает знаменитую картину Пименова «Новая Москва»: молодая женщина сидит за рулем автомобиля.

«Мне очень приятно знать, что художник из моего собрания был отмечен пре-

стижной премией», — говорит Добровинский об (нетрудно догадаться) Алексее Беляеве-Гинтовте. Полотна Гинтовта украшают переговорную и один из отделов офиса. В общем контексте собрания они приобретают, возможно, самый правильный смысл и смотрятся исключительно органично.

Скандал с Гинтовтом был связан с тем, что художника обвинили в якобы симпатиях к тоталитаризму. В окружении портретов советских вождей, большинство из которых служили при Сталине, возникает вопрос и о политических взглядах коллекционера. «Я очень не люблю политику и стараюсь в нее не лезть, — говорит Добровинский. — Я был на церемонии вручения премии Кандинского и потом долго убеждал некоторых друзей, что политические взгляды не должны влиять на нашу оценку художника». Одним словом, Добровинский коллекционирует так, как хороший историк пишет монографию: старается собрать все возможные факты и не быть политически ангажированным. ■

9

9. Гарнитур, преподнесенный Народным комиссариатом обороны Клименту Ворошилову (1938), у двери в кабинет Александра Добровинского в его адвокатском бюро.